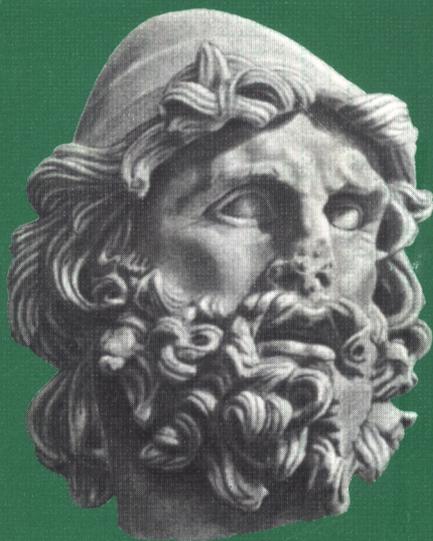

ОДИССЕЙ

2009

Путешествие как историко-культурный феномен

Время и exempla

**Средневековые визионеры
и визионерская литература**

**Террор Ивана Грозного
в культурно-символической
интерпретации**

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
ОЕ-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор
А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА,
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч. Вс. ИВАНОВ,
Жак Ле ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук И.Г. КОНОВАЛОВА,
доктор исторических наук С.И. ДАНЧЕНКО

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989–.

2009 : Путешествие как историко-культурный феномен / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2010. – 000 с. – ISBN 978-5-02-037586-4.

Главная тема выпуска – феномен путешествий в разных культурах, его роль в социальной, интеллектуальной, религиозной и других сферах жизни. Представлены материалы о разных типах путешествий (паломничество, миссия, исследовательское путешествие), охватывающие период от античности до XX века. Обсуждаются вопросы межкультурных коммуникаций в ходе путешествия, статуса и образа путешественника в разных культурах, семантики и поэтики рассказов о путешествиях. Также в сборнике представлены статьи о времени в средневековых проповеднических притчах (exempla). Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей. О средневековых представлениях о страшном суде и другие материалы. Публикуются рецензии на новые издания по истории, вышедшие в России и за рубежом.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов в области гуманитарного знания и более широкой аудитории.

По сети “Академкнига”

ISBN 978-5-02-037586-4

- © Институт всеобщей истории РАН, 2010
- © Лучицкая С.И., составление, 2010
- © Коллектив авторов, 2010
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания, 2010)
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕР

А.В. Толстиков, О.Е. Кошелева

НОМО VIATOR.....

А.В. Подосинов

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АНТИЧНОЙ ОЙКУМЕНЕ: О ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ В “ХОРОГРАФИИ” ПОМПОНИЯ МЕЛЫ

Ф.Д. Прокофьев

PEREGRINATIO В ОКЕАНЕ: АЛЛЕГОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ В “ПЛАВАНИИ СВЯТОГО БРЕНДАНА”

Т.Н. Джаксон

ХОЛЬМГАРДСФАРИ, ИЛИ ТУДА И ОБРАТНО

С.И. Лучичкая

ПУТЕШЕСТВИЕ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ В XII–XIII вв.: ОЧЕРК ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

О.И. Тогоева

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК МИССИЯ В ЭПОПЕЕ ЖАННЫХ Д’АРК.....

А.А. Пименова

ПУТЕШЕСТВЕННИК, “ФИЛОСОФЫ” И “ДОБРЫЕ ДИКАРИ”: ЭКСПЕДИЦИЯ Ж.-Ф. ДЕ ЛАПЕРУЗА, 1785–1788 гг.

С.Е. Федоров

“УВИДЕТЬ ПАРИЖ И...”: ПУТЕВВЫЕ ЗАМЕТКИ ЮНОГО АНГЛИЧАНИНА

А.В. Лазарев

ПАРИЖ ИНОСТРАНЦЕВ ЭПОХИ ARS ARODEMICA (1570–1670).....

М.В. Лескинен

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОДНОЙ СТРАНЕ: ОПИСАНИЕ КАК СПОСОБ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ. ФИНЛЯНДИЯ И ФИННЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ З. ТОПЕЛИУСА

Г.П. Мельников

“ИЗ ЧЕХИИ АЖ НА КРАЙ СВЕТА”: ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНТЕНЦИИ МАЛОГО НАРОДА

К.А. Левинсон

ОБ ОДНОЙ ВЫПАВШЕЙ СТРАНИЦЕ ЧЕЛЮСКИНСКОЙ ЭПОПЕИ..

А.В. Толстиков

ИСПЫТАНИЕ ТЕРПЕНИЯ: ПОЭТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЗЛОКЛЮЧЕ-
НИЙ ШВЕДСКОГО ПОСОЛЬСТВА В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XVI в...

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

ПИСЬМО В.Я. ПРОППА И.П. ЕРЕМИНУ О “ПОВЕСТИ ВРЕМЕН-
НЫХ ЛЕТ” (*Предисловие и публикация Б.С. Кагановича*).....

О ТРАДИЦИОНАЛИЗМЕ. ДОКЛАД Н.А. СИДОРОВОЙ НА ЗАСЕ-
ДАНИИ СЕКТОРА ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ В ИНСТИТУТЕ
ИСТОРИИ АН СССР, 1949 г. (*Предисловие и публикация А.Р. Горяинова*) ..

И.Г. Галкова

СОН РАЗУМА.....

Ю.П. Зарецкий

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТУЗЕМЦА

К.А. Левинсон

ПОЧЕМУ Я НЕ КОММЕНТАТОР.....

И.Г. Галкова

О ТУЗЕМНОМ НАСЛЕДСТВЕ.....

О.Е. Кошелева

ДОКЛАД Н.А. СИДОРОВОЙ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙ-
СКОГО.....

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ж.-К. Шмитт

ЕХЕМРЛА И ВРЕМЯ (*перевод с французского И.Г. Галковой*).....

М.РН Майзульс

РЕАЛЬНОСТЬ СИМВОЛА И СИМВОЛ РЕАЛЬНОСТИ В ВИЗИОНЕР-
СКОМ ОПЫТЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

РЕЦЕНЗИИ

К.Ю. Ерусалимский

МЕЖДУ КАНОНИЗИРОВАННЫМИ И ДЕМОНИЗИРОВАННЫМИ:
ТЕРРОР ИВАНА ГРОЗНОГО В КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ (*рассуждения над книгой А.А. Булычева*)

<i>Булычёв А.А.</i> Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005.....	
<i>С.И. Лучицкая</i>	
“ОЧИСТИТЕЛЬНЫЙ ОГОНЬ” В СРЕДНЕВЕКОВОМ НЕМЕЦКОМ ИСКУССТВЕ.....	
<i>Вегман С.</i> На пути к небу. “Очистительный огонь” в немецком средневековом искусстве. Кёльн; Веймар; Вена, 2003.....	
<i>С.И. Лучицкая</i>	
СЛОВО-ОБРАЗ-ТЕКСТ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ	
<i>Кургиманн М.</i> Слово-образ-текст. Исследования о медиальности в высокое Средневековье и раннее Новое время. Баден-Баден, 2006–2007. Т. 1–2	
<i>М.Ю. Парамонова</i>	
НОВАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, НАПИСАННАЯ ИСТОРИКОМ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	
<i>Боргольте М.</i> Христиане, иудеи и мусульмане. Наследие Античности и подъем Запада. 300–1400 гг. Мюнхен, 2006.....	
SUMMARIES.....	
ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	

CONTENTS

TRAVEL AS CULTURAL AND HISTORICAL PHENOMENON

A.V. Tolstikov, O.Ye. Kosheleva

HOMO VIATOR

A.V. Podossinov

TRAVELLING THE ANCIENT ECUMENE: THE STRUCTURE
PRINCIPLES OF GEOGRAPHICAL DESCRIPTION IN POMPONIOUS
MELA'S *DE CHOROGRAPHIA*.....

F.V. Prokofiev

ALLEGORY AND REALITY IN *NAVIGATIO SANCTI BRENDANI*.....

T.N. Jackson

THE TRAVEL FORMULA' OF ICELANDIC SAGAS.....

S.I. Luchitskaya

TRAVELLING TO THE HOLY LAND IN THE TWELFTH AND
THIRTEENTH CENTURIES: A STUDY IN THE HISTORY
OF EVERYDAY LIFE

C.I. Togoeva

TRAVEL AS MISSION IN THE JOAN OF ARC EPIC

L.A. Pimenova

THE TRAVELER, THE 'PHILOSOPHERS' AND THE 'GOOD SAVAGES':
JEAN-FRANÇOIS DE LA PÉROUSE'S EXPEDITION OF 1785–1788....

S.Ye. Fyodorov

"TO SEE PARIS AND...": A YOUNG ENGLISHMAN'S TRAVEL
DIARY.....

A.B. Lazarev

PARIS AS VIEWED BY FOREIGNERS IN THE TIME OF *ARS
APODEMICA* (1570–1640)

M.V. Leskinen

TRAVELLING THROUGH ONE'S OWN HOME COUNTRY:
DESCRIPTION AS A MEANS OF REPRESENTING THE NATION.
FINLAND AND THE FINNS AS DEPICTED BY ZACHARIAS
TOPELIUS

G.P. Melnikov

'FROM BOHEMIA TO THE ENDS OF THE EARTH'? A SMALL
NATION'S GLOBAL INTENTIONS.....

K.A. Levinson

A LOST PAGE OF THE *CHELYUSKIN* EPIC

A.V. Tolstikov

A TEST OF PATIENCE: A POETICAL DESCRIPTION OF THE
TRIBULATIONS SUFFERED BY A MID-SEVENTEENTH CENTURY
SWEDISH EMBASSY TO RUSSIA

HISTORIAN AND TIME

VLADIMIR PROPP'S LETTER TO IGOR YEREMIN (*B.S. Kaganovich's
publication*)

ON TRADITIONALISM. PAPER PRESENTED BY NINA SIDOROVA
AT A MEETING OF THE DEPARTMENT OF THE HISTORY OF THE
MIDDLE AGES, INSTITUTE OF HISTORY, ACADEMY OF SCIENCES
OF THE USSR, IN 1949 (*Publication and introduction by A.N. Gorvainov*)

I.G. Galkova

THE SLEEP OF REASON

Yu.P. Zaretskiy

FROM THE NATIVE POINT OF VIEW.....

K.A. Levinson

WHY I AM NOT TO COMMENT ON THIS

I.G. Galkova

ON NATIVE HERITAGE

O.Ye. Kosheleva

NINA SIDOROVA'S PAPER AND THE HISTORY OF THE RUSSIAN
STATE.....

THE RELIGIOUS CULTURE OF THE MIDDLE AGES

J.-C. Schmitt

EXEMPLA AND TIME.....

M.R. Maizuls

THE REALITY OF SYMBOL AND THE SYMBOL OF REALITY
IN THE VISIONARY EXPERIENCE OF THE MIDDLE AGES

REVIEWS

K.Yu. Yerusalimskiy

CANONIZED OR DEMONIZED: IVAN THE TERRIBLE'S TERROR AS INTERPRETED IN TERMS OF CULTURAL SYMBOLS

Bulychov A.A. Between saints and demons. Notes on the postmortem fate of persons persecuted by Ivan the Terrible. Moscow, 2005.....

S.I. Luchitskaya

'THE PURIFYING FIRE' IN GERMAN ART

Wegmann S. Auf dem Wee zum Himmel. Das Fegefeuer in der deutschen Kunst des Mittelalters. Köln – Weimar; Wien, 2003

S.I. Luchitskaya

WORD–IMAGE–TEXT IN THE MEDIEVAL CULTURE

Curschmann M. Wort–Bild–Text. Studien zur Medialität des Literarischen in Hochmittelalter und früher Neuzeit. 2. Bde. Baden-Baden, 2006–2007

M.Yu. Paramonova

A HISTORY OF THE MIDDLE AGES WRITTEN BY A GLOBALIZATION ERA HISTORIAN

Borgolte M. Christen, Juden, Muselmanen. Die Erben der Antike und der Aufstieg des Abendlandes 300 bis 1400 nach Christus. München, 2006

SUMMARIES.....

SOURCES OF ILLUSTRATIONS.....

Т.Н. Джаксон

ХОЛЬМГАРДСФАРИ, ИЛИ ТУДА И ОБРАТНО*

Дорога вдаль и вдаль ведет,
Под солнцем или под луной,
Но голос сердца позовет –
И возвращаешься домой.

Дж.Р.Р. Толкин

Вторая часть названия этой статьи позаимствована мною у оксфордского профессора, филолога-германиста, Дж.Р.Р. Толкина, в чьем романе “Хоббит, или Туда и обратно”¹ рассказывается о *путешествии* хоббита Бильбо Бэггинса к пещере Одинокой горы за сокровищами гномов, захваченными драконом Смогом, и назад домой. Первая же часть названия – существительное *Hólmgarðsfari*, нередко встречающееся в исландских сагах для обозначения торговых людей (*kaupmenn*), плавающих в *Hólmgarðr* (Новгород), и даже чаще выступающее в качестве прозвища этих купцов. Так, к примеру, в “Круге земном” говорится, что скальд Сигват, интересуясь судьбой находившегося на Руси Магнуса, сына Олава Святого, “часто спрашивал, когда он встречал купцов, *хольмгардсфарри*, что они могли сказать ему о Магнусе”², а “Сага о фарерцах” рассказывает о человеке по имени Равн, который “постоянно ездил в Хольмгард, а потому его называли *Хольмгардсфарри*”, и на корабле у которого находились купцы³.

Hólmgarðsfari состоит из *Hólmgarðs* (Р.п. от *Hólmgarðr*) и *fari* “путешественник” (сущ. м.р. от глагола *fara* “ехать, ездить, идти, путешествовать”)⁴. Мне доводилось встречать это прозвище в переводе “ездок в Хольмгард”⁵ и “пловец в Хольмгард”⁶; я перевожу его как “путешественник в Хольмгард”, отдавая себе отчет в том, что ни один из этих переводов не передает в полной мере значения древнеисландского слова. Дело в том, что “путник” (равно как и “всадник”) – устаревшие значения слова *ездок*; его основное значение в современном русском языке – “умеющий ездить”, большей частью применительно к езде верхом и на велосипеде; *пловец* в нынешнем словоупотреблении – “человек, умеющий плавать, либо человек, занимающийся плаванием как спортом”; его третье значение “мореплаватель” устарело; *путешественник* – это “человек, совершающий путешествие”⁷, и правомерность/неправомерность использования этого последнего термина опреде-

* Работа выполнена при финансовом содействии РГНФ (проект № 07-01-00058а).

ляется значением слова *путешествие*. Приведу его по словарю Д.Н. Ушакова: “поездка (реже – передвижение пешком), обычно куда-нибудь далеко за пределы родной местности, постоянного местопребывания”⁸. И хотя синонимами *путешествия* выступают *путь, шествие, странствие, поездка, хождение, паломничество, пилигримство, вояж, экскурсия*⁹, все же в нашем сегодняшнем сознании *путешествие* – нечто либо познавательное, либо развлекательное, но никак не торговое и не военное.

Хочу также обратить внимание на то, что *Hólmgarðsfari* – не единственный термин, построенный по модели X-fari. Известно еще несколько подобных композитов: *Jórsala-fari*, “паломник в Иерусалим”¹⁰, *Dyflinnar-fari*, “дублинский купец”¹¹, *Englands-fari*, “английский мореход”, *Hlymreks-fari* “плававший в Лимерик”¹². Перевод второго компонента в этих словах зависит от того контекста, в котором термины употребляются в сагах, а вовсе не от значения составляющей -fari, поскольку соответствующего слова, вбирающего в себя все необходимые значения, универсально как, скажем, английское *travel*, в современном русском языке просто нет.

Все это долгое предисловие неслучайно – я пытаюсь с его помощью ответить на замечание, высказанное С.Е. Федоровым по моему докладу во время Круглого стола “Путешествие как историко-культурный феномен”. Суть замечания заключалась в том, что не ко всем *перемещениям* средневековых скандинавов в *пространстве* можно, по мнению моего оппонента, применить термин “путешествие”, как его применяю я, и что, по крайней мере, викингская активность и торговая деятельность – основа жизни скандинавов в IX–XI вв. – с помощью этого термина обозначены быть не могут. Мне же представляется, что описанное выше состояние словарного состава русского языка вынуждает нас прибегать к условностям и договариваться о терминах. То, о чем пойдет речь в этой статье, удобнее всего было бы обозначить английским *travel/travelling*. Мое повторное уже упоминание английского термина связано с тем, что в последние годы эта проблематика (впервые в саговедении столь детально) разрабатывается эстонской исследовательницей Кристель Цильмер, пишущей по-английски и исследующей в исландских сагах the motive of travelling, representations of travel connections, the narrative tradition of travelogue и т.п.¹³ Однако в русскоязычной статье я считаю возможным использовать термин “путешествие”. Я буду ниже говорить о “путешествии” в широком смысле этого слова и использовать термин как обозначение *движения, перемещения в (географическом и социальном) пространстве*.

Путешествие, в какой бы форме оно ни проходило и в какие бы дальние края ни приводило, воспринимается современным человеком как нечто само собой разумеющееся, но в Средние века оно было неизбежным (*sine qua non*) условием жизни, главной ее составляющей. Естественно, не вызывает сомнения, что было немало людей, которые родились, провели всю жизнь и умерли в одном и том же месте, однако в средневековом обществе существовали определенные группы людей, которые путешествовали и делали это весьма успешно, а порой и очень далеко. Торговцы, воины, ловцы удачи, миссионеры, послы и многие-многие другие перемещались с места на место, торгуя, воюя, выполняя разнообразные поручения. Эти люди как бы соединяли своими передвижениями отдаленные уголки мира. Путешествие в жизни средневекового скандинава могло быть вынужденным (к примеру, в результате объявления кого-то вне закона), а могло совершаться и по собственному желанию человека (скажем, исландский скальд решает отправиться ко двору норвежского конунга). Путешествие могло быть разной протяженности – это могло быть перемещение внутри одной страны (Исландии, Норвегии), могло совершаться между странами (теми же Исландией и Норвегией), а могло вести и далеко вовне (хорошо известна широта горизонтов эпохи викингов, которые плавали по всей Атлантике и достигли Америки, по Средиземному морю, по Балтийскому морю и рекам Восточной Европы). Путешествие могло быть организовано с различными целями: освоение новых земель, грабительское нападение, война, торговля, встреча, посещение кого-то или чего-то, сватовство, свадьба, необходимость разрешить конфликт, назначить встречу, узнать или передать новости и т.д., и т.п.

Исландские саги наполнены рассказами о плаваниях, поездках, военных походах, торговых предприятиях, перемещениях самого разного рода, о подготовке к этим путешествиям и об их последствиях. С одной стороны, эти рассказы выступают отражением реальной жизни, с другой – они являются следствием специфики жанра саги. Исландские саги как жанр – это признано всеми исследователями – отличается “объективностью”¹⁴. Суть этой “объективности” в том, что автор как бы ничего не знает о мыслях, чувствах, переживаниях, планах своих персонажей, он как бы регистрирует только факты. В сагах “переживания... сами по себе не были объектом изображения”¹⁵. Это мнимое отсутствие “авторского вмешательства” (*writer intrusion*) есть умышленный литературный прием¹⁶. Но в силу его автор “знает” и говорит только о том, что может быть подтверждено свидетельством очевидцев. Как следствие этого, действительность представлена в сагах сво-

им событийным планом. “Объектом изображения в сагах были всегда *те или иные события*, представлявшие интерес для людей того времени”¹⁷. Соответственно, *одно из основных событий в сагах* – движение (поездка, плавание) сагового персонажа из одного места в другое. Мотив путешествия чрезвычайно характерен и важен для саг. Путешествие – т.е. перемещение в пространстве – можно назвать составляющей саг. Ни одна сага, естественно, не задумана и не создана для того лишь, чтобы служить чьим-то персональным итинерарием (я говорю “естественно”, потому что у саг как у жанра другие задачи и цели, другие эстетические и идеологические установки), но при этом темы, связанные с путешествием, настолько многочисленны в сагах, что можно даже назвать путешествие *ключевым элементом саг*.

Отношение к путешествию в век саг – предельно уважительное. В обществе господствует представление о том, что человек *должен* путешествовать, чтобы стать человеком, чтобы приобрести знания, чтобы научиться разбираться в человеческих взаимоотношениях¹⁸. Вот, к примеру, 18-я строфа “Речей Высокого” из “Старшей Эдды”: “Знает лишь тот, / кто много земель / объездил и видел, – / коль сам он умен – / что на уме / у каждого мужа”¹⁹. (Надо отметить, что “Речи Высокого”, т.е. Одина, – это признанный свод житейской мудрости, а к тому же и древнейшая часть “Старшей Эдды”). А вот ситуация из “Саги о людях из Лососьей Долины”: Болли, сын Торлейка, объявляет, что намеревается поехать за море; Снорри Годи пытается его отговорить, на что Болли отвечает весьма примечательными словами: “Я думаю, что мало умножает свои знания тот, кто знаком только с тем, что есть здесь, в Исландии”²⁰. Таких примеров можно встретить в сагах немало²¹.

С самого начала эпохи народовластия в Исландии так повелось, что сыновья богатых бондов отправлялись на службу к норвежскому конунгу. Поездка в Норвегию, а, может быть, также в Данию и в Англию, была для молодого исландца школой жизни. Нередко молодой исландец отправлялся в путешествие через Атлантику с целью посетить норвежского конунга и как бы “помериться с ним силами”. В рамках жанра саги даже сформировался особый вид текстов – “пряди о поездках из страны” – более тридцати историй, прославляющих достойных и удачливых исландцев²².

Герои саг рано отправляются в путешествия – они чувствуют в себе силы для этого и стремятся показать себя. Будущие норвежские конунги, согласно “Кругу земному”, восходят на корабль и пускаются в военные предприятия, когда им едва сравнялось двенадцать лет. “Сага о Харальде Прекрасноволосом” рассказывает

об Эйрике Харальдссоне, будущем норвежском конунге Эйрике Кровавая Секира:

Эйрик был на воспитании у херсира Торира Хроальдссона во Фьордах. Его конунг Харальд любил больше, чем остальных сыновей, и ценил его более всех. И *когда Эйрику было двенадцать лет*, дал ему конунг Харальд пять боевых кораблей, и отправился он в военный поход, сначала в Аустрвег, а затем на юг в Данмарк и во Фрисланд и Саксланд, и пробыл в этом походе четыре года. После этого отправился он на запад за море и воевал в Скотланде и Бретланде, Ирланде и Валланде, и провел там другие четыре года. После этого отправился он на север в Финнмарк и вплоть до Бьярмаланда, и была у него там большая битва, и [он] победил²³.

Обратим внимание на то, что, согласно этому сообщению Снорри Стурлусона, юный Эйрик ведет боевые действия во всех четырех сторонах света. Сыновья Эйрика Кровавая Секира, о которых говорится в “Саге о Хаконе Добром”, тоже мужают очень рано:

Некоторые из сыновей Эйрика ходили в военные походы, как только они стали достаточно взрослыми, и добывали себе богатства, воевали по Аустрвегу. Они рано стали мужчинами красивыми и скорее выдающимися по силе и доблести, чем по числу лет²⁴.

Олав Трюггвасон начал странствия то ли в утробе матери, то ли в возрасте трех лет (в источниках нет единодушия относительно того, когда матери Олава пришлось бежать из Норвегии, спасаясь от козней врагов своего убитого уже к этому времени мужа). К двенадцати годам Олав побывал в эстонском плену, попал на Русь и убил человека²⁵. В “Саге об Олаве Трюггвасоне” монаха Одда говорится следующее:

А когда ему было 12 лет, то спрашивает он конунга, нет ли каких-нибудь городов или округов, тех, которые были под его властью и были отняты у него язычниками, присвоившими себе его владения и честь. Конунг отвечает и говорит, что, конечно, были некоторые города и деревни, те, которые принадлежали ему, а другие отвоевали от его владений и присоединили теперь к своему государству. Олав сказал тогда: “Дай мне тогда какой-нибудь отряд в распоряжение и корабли, и посмотрим, смогу ли я вернуть назад то государство, которое потеряно, потому что я очень хочу воевать и биться с теми, которые вас обесчестили; хочу я положиться в этом на ваше счастье и твою собственную удачу. И будет либо так, что я их убью, либо что они побегут от моей силы”. Конунг принял это хорошо и дал ему такой отряд, какой он просил. Вот обнаружилось то, о чем говорилось раньше, каким искусным он был во всяком рыцарском деле и военном снаряжении; и мог он так умело вести строй, как будто он всегда это делал. Вот он отправляется с этим войском, и было у него много битв, и одержал он большую победу над своими недругами. Вернул он назад все города и крепости, те которые раньше находились под властью конунга Гардов. И много иноземных народов подчинил он власти конунга Вальдамара. А осенью вернулся он назад со славной победой и прекрасной добычей...²⁶

А вот как описывает Снорри Стурлусон первый военный поход Олава Святого:

Олаву Харальдссону было двенадцать лет, когда он впервые взшел на боевой корабль²⁷.

Снорри недвусмысленно указывает на то, что участие конунгов в поездках является основой их успешного правления. Говоря о Харальде Прекрасноволосом, он подчеркивает, что к восьмидесяти годам тот “стал тяжел на подъем” и, соответственно, “ему стало трудно ездить по стране и править ею”²⁸.

Путешествия в сагах не только являются частью действия, но также помогают охарактеризовать героев; демонстрируют, как они взрослеют и мужают. Мотив путешествия сам по себе является важной частью характеристики индивида, о котором идет речь. Яркий пример находим в “Саге о Магнусе Голоногом” (по “Гнилой коже”, “Красивой коже”, “Кругу земному” и “Хульде”), где в посмертной характеристике конунга Хакона Воспитанника Торира (1093–1094) без какой-либо связи с предшествующим повествованием и сюжетно неоправданно упоминается поездка конунга в *Бьярмаланд*, приведшая к сражению и одержанной в сражении победе:

Теперь был признан конунгом в Норвегии Магнус, сын конунга Олава. Он был на востоке страны. А тренды объявили конунгом Хакона, сына Магнуса Харальдссона – того, что сначала был на воспитании у Стейнки Стейнарссона на востоке в Вике, а затем у Стейгарторира. И этого Хакона звали Воспитанником Торира. Он был более других любим бондами. *Хакон ездил [однажды] в Бьярмаланд, и сражался там, и одержал победу*²⁹.

Скорее всего, путешествие в эти отдаленные земли на берегах Белого моря расценивалось авторами саг и, вероятно, их аудиторией как проявление героизма, а потому могло выступать в сагах как элемент положительной характеристики конунга или ярла. Параллелью и подтверждением этой мысли могут служить слова исландского скальда Глума Гейрасона из его “*Gráfeldardrápa*” (975 г.), относящиеся к походу Харальда Серая Шкура против бьярмов (об этом походе уже говорилось выше): “Примиритель мужей снискал себе добрую славу в этом походе”³⁰.

Упоминания о путешествиях помогают вводить в повествование и представлять новых персонажей. Нередко путешествия какого-то героя упоминаются в его вводной характеристике. Вот, скажем, как в “Саге о Кнютлингах” начинается рассказ об одном купце из прибалтийских земель, которого позднее Кнут Лавард отправит на Русь сватать ему в жены Мальмфрид Мстиславну:

Человека звали Видгаут; он был родом из Самланда; он был язычником в то время; он был купцом и очень богатым, и хорошо образованным во многих отношениях; он всегда был готов отправиться в торговую поездку в Аустрвег³¹.

Как отмечает К. Цильмер, в такого рода характеристиках участие в путешествиях, далеких плаваниях выступает как естественная часть человеческой карьеры, жизни, как нечто, определяющее личные свойства этого человека³².

Многие саговые персонажи (и их реальные прототипы) носят соответствующие прозвища. Об одной группе прозвищ, *X-fari*, речь уже выше шла. Самый яркий пример здесь – широко известное прозвище норвежского конунга Сигурда Магнуссона – *Jórsalafari*³³. В рукописи *Þóðarþók* “Книги о заселении страны” о некоем Бьерне сообщается, что “он был великим путешественником [*farmaðr*] (Хольмгардсфари [*Hólmgarðsfari*]) и купцом. Он часто плавал по Восточному пути и привозил лучшую пушнину, чем многие другие купцы [*kaupmenn*]³⁴. В двух других рукописях (*Sturlubók* и *Nauksbók*) “Книги о заселении страны” содержится предельно краткая, но очень информативная формулировка: “... Бьёрн, который прозывался Меховой Бьёрн (*Skinna-Vjörn*), так как он был Хольмгардсфари³⁵, – тем самым поездки в Новгород и меховая торговля поставлены в прямую связь.

Купцы, плавающие на Русь, носят в сагах прозвище “Гардский” (*gerzkr*), образованное от наименования Руси *Garðar*³⁶. В “Саге о людях из Лососьей Долины” фигурирует Гилли Гардский, которого “называли самым богатым из торговых людей³⁷, в “Круге земном” – Гудлейк Гардский:

Одного человека звали Гудлейк Гардский. Он был родом из Агдира. Он был великим мореходом и купцом, богатым человеком, и совершал торговые поездки в разные страны. Он часто плавал на восток в Гардарики, и был он по этой причине прозван Гудлейк Гардский³⁸.

Нередки в сагах прозвища типа *askmaðr* “Корабельщик”, *skútaðar* “Корабельщик”, *farmaðr* “Путешественник, Мореход”, *kaupmaðr* “Купец”, *viðförla* “Путешественник”. Можно упомянуть протагонистов “Саги об Ингваре Путешественнике” (*Yngvars saga viðförla*) и “Пряжи о Торвальде Путешественнике” (*Þorvalds þáttr viðförla*), а также одного персонажа “Саги об Олаве Святом”:

Олав, сын Харальда из Гренланда, рос у своей матери Асты в доме своего отчима Сигурда Свиньи. У Асты служил тогда Храни Путешественник (*Hrani inn viðförla*). Он воспитывал Олава, сына Харальда³⁹.

Весьма выразительны прозвища двух персонажей “Саги об Эгиле”:

Жили два брата по имени Сигтрюгг Быстрый Путешественник (Sigtrygg snarfari) и Халльвард Суровый Путешественник (Hallvarðr harðfari)⁴¹.

Значение этих прозвищ раскрывается в той же главе саги, где сообщается, что Сигтрюгг и Халльвард выполняли все поручения конунга Харальда как внутри страны, так и за ее пределами, как они много раз бывали в опасных поездках, убивая людей или отбирая у них имущество по приказу конунга, а также рассказывает об очередном поручении конунга, за которое братья берутся “с готовностью”: они *быстро* догоняют плывущего вдоль берега на север Торгильса и *сурово* отбирают у него корабль и все, что было куплено им во время плавания в Англию.

Из различных способов описания путешествия в сагах я хочу остановиться лишь на том, когда описание, собственно говоря, элиминировано. Síðan fógu / riðu / sneru þeir... ok léttu eigi fyrr en þeir kómu... “Вскоре они отправились... и не останавливались до тех пор, пока не приехали...”, – эта стереотипная формула широко распространена в сагах для описания путешествия, о котором либо нет сведений, либо сведения не представляют никакого интереса. Существует несколько иной вариант “путевой формулы”: ok er ekki sagt frá ferð þeirra, fyrr en þeir komu... “и ничего не говорится об их поездке, пока они не приехали...”. Можно привести бесчисленное множество примеров, но вот, скажем, небольшая ремарка из “Саги о Хрольве Пешеходе”:

После этого собрались Хрольв и его люди домой и держали путь прочь из Гардарики, и не останавливались, пока не добрались до Орхуса в Данмарке⁴¹.

Не вызывает сомнения, что плавание из Руси (даже из крайней ее точки – Ладоги, а не из Новгорода) в Орхус в Дании не могло быть безостановочным. Но для автора саги пространство между этими двумя точками ничем не заполнено. В ситуации с упомянутым выше купцом Видгаутом, всегда готовым отправиться в торговую поездку по Восточному пути (*в Аустрвез*), дело обстоит несколько иначе: в восточноприбалтийских землях “высвечивается” область – *Курланд*, земля куршей, где сагового персонажа подстерегает опасность:

Так случилось одним летом, когда он плыл с востока и направлялся домой, что он задержался [на востоке]; и когда он приплыл с востока в Курланд, окружили его куры на военных кораблях и тотчас напали на него, и хотели его убить, а добро его забрать себе. И поскольку он был на одном корабле, а у тех куров было большое войско, то понял он, что не может им противосто-

ять, и хочет он бежать [от них] и плыть домой в Самланд. А куры поплыли тотчас за ним, и прогнали его из той земли, и очень стремились лишиться его жизни и имущества⁴².

Следующей “точкой” на пути Видгаута оказывается та же Дания, поскольку спасают Видгаута от войска куршей люди Кнута Лаварда и привозят к нему в Данию. А вот в рассказе монаха Одда об Олаве Трюгвасоне на том же пути “с востока” обозначается другая восточноприбалтийская область, а именно земля вендов, где Олав задерживается на три года, женившись на дочери местного правителя:

И была у него тогда большая дружина, он воевал тогда с языческим народами и всегда побеждал, ездил он повсюду в Аустрвеге и подчинял там себе народ. А когда ему наскучило это занятие, то приближалась зима. Захотел он тогда вернуться домой в Гарды. И тогда подул им навстречу ветер, и сильный, и встречный, и помешало это его поездке в этот раз. Повернул он тогда к Виндланду со своим войском и поставил свои корабли на якорь⁴³.

Я воспринимаю использование авторами саг “путевой формулы” как следствие “точечности” пространства⁴⁴, причем – что очень существенно – “точечность” эта – тематическая, событийная: на каком-то отрезке пути отсутствуют события, интересующие автора и его аудиторию. В этом смысле в сагах сближаются пространство и время, поскольку нередко в них можно встретить утверждение типа: “прошло три года, за которые ничего не произошло” (см. в “Пряди об Эймунде”: “Прошли лето и зима, ничего не случилось”⁴⁵; см. в “Саге о Стурлауге Трудолюбивом Ингольвссоне”: “Вот прошло время, и все было спокойно”, или “Прошла зима, и ничего не произошло”⁴⁶). Я бы назвала эту прерывистость времени “временной формулой”. И в том, и в другом случае (и в пространстве, и во времени) автору просто не о чем рассказывать, просто “ничего не произошло”, не случилось ничего, достойного описания или даже упоминания. Саге далеко в этом смысле до эпоса с его “хронотопом”, до эпоса, в котором наличествуют “разные пространственно-временные единства”⁴⁷, однако выделяемые нами “формулы” есть не что иное, как следствие отмечаемого исследователями промежуточного положения саги между фольклором и литературой.

Естественно в данной связи задаться вопросом, правомерно ли применение при анализе саг термина “формула”? Так сказать, в чистом виде термин этот используется для обозначения такой единицы членения в стихотворных разновидностях фольклора (в устной поэтической [!] традиции), которая определяется М. Пэрри как “группа слов, регулярно используемая в одних и тех же

метрических условиях для выражения данной основной мысли⁴⁸. “Во-первых, главное свойство формулы – *полезность*: в отличие от поэта литературной традиции, сказитель устной традиции нуждается в формуле для непрерывного исполнения песни. Во-вторых, в отличие от авторской поэзии, устная традиция не стремится к оригинальности ни в плане содержания, ни даже в плане выражения. Вследствие этого формулы являются *инвентарными единицами* данной фольклорной традиции⁴⁹. Саги – безусловная проза, проза, противопоставленная поэзии – тем скальдическим вкраплениям, которые присутствуют в ней и для того тоже, чтобы подчеркнуть красоту этой прозы. И в этой прозе так называемая “путевая формула” тем не менее *полезна* и вполне может восприниматься как *инвентарная единица*. Она обладает *регулярностью* (по определению Пэрри/Лорда) и постоянным *значением* (underlying meaning): это – стереотипная формула относительно безостановочного пути, которая применялась в сагах в тех случаях, когда автор не располагал сведениями о каких-либо событиях во время пути.

Приведу один пример применения “путевой формулы”. В “Пряди об Эймунде” так рассказывается о путешествии на Русь Эймунда Хрингссона и Рагнара Агнарссона:

Эймунд со своими людьми не останавливаются теперь в пути, пока не придут на восток в Хольмгард (Новгород. – *Т. Д.*) к конунгу Ярицлейву (Ярославу. – *Т. Д.*). Отправляются они сначала к конунгу Ярицлейву, как предложил Рагнар. Конунг Ярицлейв был в свойстве с Олавом, конунгом свеев. Он был женат на его дочери, Ингигерд. И когда конунг узнает об их прибытии туда в страну, посылает он мужей к ним с тем поручением, чтобы дать им мир и [пригласить их] к конунгу на хороший пир, и они охотно соглашаются⁵⁰.

Мне здесь видится в тексте явное противоречие. Начинается рассказ со стереотипной формулы: þeir Eymundr létta nú eigi fyrr sinni ferð en þeir kóma austr í Hólmgarðr “Эймунд со своими людьми не останавливаются теперь в пути, пока не придут на восток в Хольмгард...”⁵¹. Но через три фразы выясняется, что остановиться путешественникам, скорее всего, пришлось, – ведь только после того как Ярослав узнал об их приезде, он послал им “мир”, т.е. право на проезд по его земле⁵². Похоже, что, вопреки стереотипному рассказу, в тексте отразились реальные черты – невозможность для знатных скандинавов беспрепятственно добраться до Новгорода и вероятная их остановка в Ладого. “Путевая формула” применялась, при отсутствии сведений о каких-либо событиях во время пути, регулярно и почти автоматически. Если бы автор дошедшей до нас в составе “Книги с Плоского острова” редакции “Пряди об Эймунде” сознательно вносил в сагу информацию о

“мире”, данном путешественникам Ярославом, он должен был бы, как мне кажется, опустить “путевую формулу”. Скорее, он просто не придумал значения рассказу о “мире”, который присутствовал в более раннем тексте, и потому описал маршрут Эймунда еще и традиционным образом.

Особый интерес представляет характеристика того “локуса”, в который прибывает саговый персонаж после “бессобытийного” пути. Можно, к примеру, продолжить только что процитированный фрагмент “Пряди об Эймунде”:

И когда они сидят на пиру, оба они, конунг и княгиня, *подробно расспрашивают их о новостях* из Норвегии о конунге Олаве Харальдссоне⁵³.

А вот пример из другой королевской саги:

Бьерн [Окольников] быстро собрался в путь и взял с собой несколько человек, двигался он затем день и ночь, то на лошадях, когда это было возможно, то на корабле, если это было необходимо, и не останавливались они в своей поездке, пока не прибыли зимой на йоль в Гардарики к конунгу Олаву [Харальдссону], и был конунг очень рад, когда Бьерн его нашел. *Конунг тогда узнал многие новости с севера из Норвегии*⁵⁴.

Это была королевская сага, а можно посмотреть на родовую сагу, сагу о древних временах или прядь об исландцах:

После этого Квельдульв дал Торгильсу хорошо оснащенное гребное судно, а также шатры и съестные припасы – все, что им нужно было в пути. Они отправились и не останавливались до тех пор, пока не приехали на север к Торольву. *Они рассказали ему обо всем случившемся*⁵⁵.

Вот они снимаются с якоря и плывут, пока не прибывают домой, и *рассказывают Стюрлаугу, что произошло*⁵⁶.

Теперь надо рассказать о том, что Торлейв отправился в обратный путь на юг, в Данию... Он нигде не останавливался, пока не прибыл к конунгу Свейну. Тот принял его с распростертыми объятьями и спросил о поездке. Тогда *Торлейв рассказал обо всем, что произошло*⁵⁷.

Результат во всех разновидностях саг оказывается одним и тем же, а именно: путешествие приводит не к месту, а к человеку, к встрече, к разговору, к передаче новостей, к обмену новостями, которые, с одной стороны, воспринимаются как событие, достойное упоминания, а с другой – оказываются в конечном итоге стимулом/поводом к дальнейшим действиям и новым событиям. К. Цильмер говорит о том, что в изображении саг путешествия (travelling) и передача информации (communication) представляют собой две стороны одной монеты: первое как бы приравнивается ко второму⁵⁸. У меня в сознании в этой связи возникает образ “па-

утины” маршрутов путешествий, тождественной соединяющей людей “паутине” современного Интернета.

Саги, с их бесконечными рассказами о поездках и плаваниях персонажей, можно рассматривать как собрание личных трэвелогов⁵⁹, которые в совокупности подчеркивают значимость путешествий, с одной стороны, и указывают на вполне реальный факт существования в древнескандинавском обществе традиции рассказывания/записи историй о предпринятых путешествиях – с другой. В природе человека – путешествовать. И в природе человека – рассказывать об этом. Рассказ путешественников об их поездках – общее место в сагах. Можно привести многочисленные примеры из саг, где персонаж путешествует, останавливается у кого-то на постой и тут же бывает спрошен о путешествии, и рассказывает о нем. Даже если сам рассказ для нас не повторяется (не приводится), он все же является составляющим элементом трэвелога. Иначе говоря, сначала человек путешествует, а затем рассказывает о своем путешествии, чтобы о нем знали и другие (и как бы приняли в нем участие). Иногда даже саги сообщают о том, как герой саги пытается сохранить традицию о своих путешествиях – таков рассказ Асгрима в “Саге о Ньяле” о Торкеле Дерзком, который, вернувшись в Исландию, увековечил рассказ о своих поездках и подвигах:

Торкель Дерзкий уезжал из Исландии и отличился в чужих странах. Он убил разбойника на востоке, в лесу Ямтаског. Затем он отправился на восток, в Швецию, и присоединился к Сёрквиру Старику, и они ходили походом в восточные страны. А восточнее побережья Балагардсиды Торкель однажды вечером отправился за водой для своих. Там он встретил морское чудовище и долго бился с ним. Дело кончилось тем, что он убил чудовище. Оттуда он поехал на восток, в Адальсюслу. Там он убил летающего дракона. Затем он вернулся обратно в Швецию, оттуда – в Норвегию, а потом поехал в Исландию. Он велел вырезать эти подвиги над своей постелью и перед своим почетным сиденьем⁶⁰.

Большое количество соответствующих примеров в саговых текстах позволяет заключить, как важны были устные рассказы о путешествиях. Для самого путешественника было важно, чтобы о его странствиях говорили. Тем самым, в связи с путешествиями в Исландии развивалась особая повествовательная культура – поначалу устная, а в более позднее время – и устная, и письменная. Зафиксированные в сагах рассказы о многочисленных плаваниях, поездках, военных походах, торговых предприятиях и проч. позволяют рассматривать путешествие (в широком смысле этого слова) не просто как ключевой элемент саг, а, вне всякого сомне-

ния, – как главную составляющую жизни средневековых скандинавов, как основу их бытия.

- ¹ *Tolkien J.R.R. The Hobbit, or There and Back Again. L., 1937.*
- ² *Snorri Sturluson. Heimskringla / Bjarni Aðalbjarnarson // Íslenzk fornrit (далее: ÍF). Reykjavík, 1951. Bd. XXVIII. Bls. 18.*
- ³ *Flateyjarbók / S. Nordal et al. Akranes, 1944. Bd. I. Bls. 141.*
- ⁴ “Sea-farer, voyager, traveller” (см.: *Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957. P. 143–144, Zoëga G.T. A Concise Dictionary of Old Icelandic. 1910 P. 128*). Синоним существительного *fari – farmaðr*.
- ⁵ *Saga о Фарерцах // Исландские саги / Пер. с древнеисл. языка, общ. ред. и коммент. А.В. Циммерлинга. М., 2004. Т. 2. С. 150.*
- ⁶ Так переводит Г.В. Глазырина в кн.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. 5: Древнескандинавские источники. Ч. IX. Примеч. 14.*
- ⁷ *Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.*
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Переферкович Н.А. [Абрамов Н.] Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений : ок. 5 000 синоним. рядов, более 20 000 синонимов. 8-е изд., стер. М., 2006.*
- ¹⁰ Таково прозвище норвежского конунга Сигурда Магнуссона, или как его называют русские переводы – Сигурда Крестоносца (1103–1130).
- ¹¹ Ср.: “Ярл Хакон... велел ему поехать в торговую поездку в Дублин, как многие тогда ездили” (*Snorri Sturluson. Heimskringla // ÍF. 1941. Bd. XXVI. Bls. 291*).
- ¹² См.: *Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. Op. cit. P. 144.*
- ¹³ См., например: *Zilmer K. ‘He drowned in Holmr’s sea – his cargo ship drifted to the sea-bottom, only three came out alive’: Records and representations of Baltic traffic in the Viking Age and the Early Middle Ages in early Nordic sources // Nordistica Tartuensia. Tartu, 2005. Bd. XII. ; Eadem. The Motive of Travelling in Saga Narrative // Dialogues with Tradition: Studying the Nordic Saga Heritage (Nordistica Tartuensia, Bd. 14). Tartu, 2005. P. 64–92.*
- ¹⁴ “Объективность повествовательной прозы исландских саг” – термин А.Я. Гуревича из предисловия к “Старшей Эдде”: *Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 17.*
- ¹⁵ *Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Л., 1971. С. 70.*
- ¹⁶ Подробнее об этом приеме см.: *Джаксон Т.Н. О творческой активности автора “Хеймскринглы” (Проблема авторского присутствия в повествовании) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1981 г. М., 1983. С. 147–174.*
- ¹⁷ *Стеблин-Каменский М.И. Указ. соч. С. 71 (курсив мой. – Т. Д.).*
- ¹⁸ См.: *Hastrup K. Culture and History in Medieval Iceland. Oxford, 1985. P. 223; Meulengracht Sørensen P. Fortælling og ære. Studier i islændingesagaerne. Aarhus, 1993. S. 224–226; Vésteinn Ólason. Dialogues with the Viking Age. Narration and Representation in the Sagas of the Icelanders. Reykjavík, 1998. P. 223; Zilmer K. Representations of Intercultural Communications in the sagas of Icelanders // Scandinavia and Christian Europe in the Middle Ages. Papers of The 12th International Saga Conference. Bonn, 2003. P. 549.*

- ¹⁹ Старшая Эдда / Пер. А.И. Корсуна // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах... С. 191.
- ²⁰ Сага о людях из Лососьей Долины / Пер. В.Г. Адмони и Т.И. Сильман // Исландские саги. СПб., 1999. Т. I. С. 395.
- ²¹ Ср. современную исландскую поговорку: *Heimskt er heima alið barn* “Глупо дитя, дома возросшее”.
- ²² Гуревич Е.А. Древнескандинавская новелла: поэтика “прядей об исландцах”. М., 2004.
- ²³ *Snorri Sturluson. Heimskringla* // ÍF. Bd. XXVI. Bls. 134–135.
- ²⁴ Ibid. Bls. 162.
- ²⁵ Подробнее см.: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. Гл. 5: “Сага об Олаве Трюггвасоне”.
- ²⁶ *Saga Óláfs Tryggvasonar av Oddr Snorrason munkr* / Finnur Jónsson. København, 1932. S. 28–29.
- ²⁷ *Snorri Sturluson. Heimskringla* // ÍF. 1945. Bd. XXVII. Bls. 4.
- ²⁸ Ibid. Bd. XXVI. Bls. 146.
- ²⁹ *Morkinskinna* / Finnur Jónsson // [Skripter udgivet af] Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur (далее: SUGNL). København, 1932. Bd. LIII. S. 297 (курсив мой. – Т.Д.).
- ³⁰ *Finnur Jónsson. Den Norsk-Islandske Skjaldedigtning, A – Text efter håndskrifterne*. København, 1967. Bd. I: 800–1200. S. 76–77.
- ³¹ *Knýtlinga saga* // *Sögur Danakonunga* / C. af Petersen og E. Olson (SUGNL. Bd. XLVI). København, 1919–1925. S. 200.
- ³² *Zilmer K. Icelandic Sagas and the Narrative Tradition of Travelogue* // The Thirteenth International saga Conference, Durham and York, 6–12 August 2006. Pre-prints of Conference Papers. P. 5. (<http://www.dur.ac.uk/medieval.www/sagaconf/zilmer.htm>).
- ³³ См. выше примеч. 10.
- ³⁴ *Landnámabók* / Jakob Benediktsson // ÍF. 1968. Bd. 1. Bls. 212. Not. 2.
- ³⁵ Ibid. Bls. 212, 213.
- ³⁶ В древнеисландском языке существовали два весьма схожих прилагательных – *gerzkr*, образованное от наименования Руси *Garðar*, т.е. “русский” и *girskr*, возникшее путем метатезы из отэтнонимического прилагательного *grikskr* “греческий” (*Cleasby R., Vigfusson G.* Op. cit. P. 197, 201, 215). В силу фонетического и графического сходства эти две формы стали восприниматься как варианты одного имени, так что словари даже фиксируют “греческий” в качестве второго значения прилагательного *gerzkr* и, соответственно, “русский” – для *girskr*. О вариативности *gerzkr/girzkr* см.: Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 317–326.
- ³⁷ Сага о людях из Лососьей Долины. С. 233.
- ³⁸ ÍF. Bd. XXVII. Bls. 269.
- ³⁹ Ibid. Bls. 3.
- ⁴⁰ Сага об Эгиле / Пер. С.С. Масловой-Лашанской // Исландские саги. Т. I. С. 51 (с моими уточнениями).
- ⁴¹ *Göngu-Hrólfs saga* // *Fornaldarsögur Norðurlanda* / Guðni Jónsson og Bjarni Vilhjálmsson. Reykjavík, 1943. Bd. II. K. 34.
- ⁴² *Knýtlinga saga*. S. 200–203.
- ⁴³ *Saga Óláfs Tryggvasonar av Oddr Snorrason munkr*. S. 30.
- ⁴⁴ Ср.: Д.Н. Замятин говорит о “представлении географического пространства как пространства отдельных точек (локусов)”, о «незаполненности “промежу-

- точного" пространства» (Замятин Д.Н. Феноменология географических образов // Новое литературное обозрение. 2000. № 46); Е.А. Мельникова использует термин "локусность" (Мельникова Е.А. Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века. М., 1998. С. 14).
- ⁴⁵ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). Тексты, перевод, комментарий. М., 1994. С. 101–115.
- ⁴⁶ Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий. М., 1996. С. 158 сл., 160 сл.
- ⁴⁷ См.: Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 115–135: "Хронотоп" "Песни о Нибелунгах".
- ⁴⁸ Цит. по: Лорд А.Б. Сказитель. М., 1994. С. 42.
- ⁴⁹ Клейнер Ю.А. Поэтический язык как язык // Мат-лы XXVIII межвуз. научно-методической конф. преподавателей и аспирантов. СПб., 1999. Вып. 16: Секция общего языкознания. Ч. 1. С. 22–25.
- ⁵⁰ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги... С. 93–107.
- ⁵¹ Традиционность формулы *þeir létu eigi fylla ferð sinni en þeir kómu...* "они не останавливались в своей поездке (они не прерывали своей поездки), пока не приехали..." отмечается в: Cleasby R., Vigfusson G. Op. cit. P. 385.
- ⁵² Подробнее об этом институте и об отражении его в сагах см.: Джаксон Т.Н. Исландские саги о роли Ладоги и Ладужской волости в осуществлении русско-скандинавских торговых и политических связей // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 20–25.
- ⁵³ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги... С. 93–107.
- ⁵⁴ ÍF. Bd. XXVII. Bls. 338.
- ⁵⁵ Сага об Эгиле. С. 53.
- ⁵⁶ Глазырина Г.В. Указ. соч. С. 164 сл.
- ⁵⁷ О Торлейве Ярловом Скальде / Пер. Е.А. Гуревич // Исландские саги. СПб., 1999. Т. 2. С. 453.
- ⁵⁸ Zilmer K. Representations of Intercultural Communications... P. 551.
- ⁶⁹ Zilmer K. Icelandic Sagas and the Narrative Tradition of Travelogue...
- ⁶⁰ Сага о Ньяле / Пер. В.П. Беркова // Исландские саги... Т. 2. С. 255–256.